

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

«Вулкан под снегом»

Трейс
Келли

Грейс Келли
Грейс Келли. Жизнь,
рассказанная ею самой
Серия «Уникальная
автобиография женщины-эпохи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317717

Грейс Келли. Жизнь, рассказанная ею самой: Яуза-пресс; М.; 2012

ISBN 978-5-9955-0484-9

Аннотация

13 сентября 1982 года автомобиль княгини Монако не вписался в крутой поворот горной дороги и сорвался в пропасть с 40-метровой высоты. Ее дочь принцесса Стефания отделалась ушибами, а сама ГРЕЙС КЕЛЛИ скончалась на следующий день, не приходя в сознание... Первая красавица Голливуда, обладательница «Оскара», любимая актриса Альфреда Хичкока, свою главную и самую трудную роль она блистательно сыграла не в кино, а в реальной жизни, став принцессой Монако, женой князя Ренье III и матерью троих детей, к которым и обращена эта книга.

Как нелюбимому ребенку превратиться в голливудскую звезду? За что Хичкок называл ее ВУЛКАНОМ ПОД СНЕГОМ и какие бури страстей бушевали под маской ее внешней

холодности? Почему Грейс с мужем не любили вспоминать свою свадьбу и не смотрели свадебных фотографий? Чего ей стоило отказаться от кинокарьеры и как «венценосной домохозяйке» в 50 лет оставаться иконой стиля? Правда ли, что «богатые тоже плачут», и каково «жить в аквариуме», на виду у всего мира, соблюдая тысячи правил этикета и не имея возможности вырваться из «золотой клетки»?.. Отвечая на самые сокровенные женские вопросы, эта исповедь позволяет заглянуть в душу прекраснейшей принцессы XX века.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Придется взяться за перо и бумагу...

7

Конец ознакомительного фрагмента.

40

Грейс Келли
Грейс Келли. Жизнь,
рассказанная ею самой

© Павлищева Н., перевод с англ., 2012

© ООО «Яуза-пресс», 2012

* * *

Придется взяться за перо и бумагу...

Из великолепной троицы – Каролины, Альбера и Стефании – Ренье больше занимался воспитанием сына, когда тот подросток, а дочерей баловал. Об Альбере все говорят как об ответственном, серьезном и одновременно очень доброжелательном юноше, прекрасном наследнике престола. Дочерей ругают за избалованность и вседозволенность. Считается, что в первом заслуга Ренье, во втором – вина моя, будто я не учила Альбера ответственности, а Ренье не потакал Каролине и особенно Стефании. Где в этом мире справедливость?! Приходится признавать, что присутствует не всегда. Что делать? Как «что»? Жить дальше!

Когда-то, когда Стефания была маленькой, я в сердцах укорила ее, что она меня не слушается. Дочь внимательно посмотрела и вдруг ехидненько поинтересовалась, всегда ли я слушалась свою маму.

– Конечно! Уж я-то слушалась всегда, – ответила я с чистой совестью, потому что о непослушании Ма Келли невозможно было даже подумать. – Уж я-то была послушной...

– Да? А бабушка сказала, что если бы ты ее слушала, то не натворила бы в жизни столько глупостей.

Я с трудом проглотила вставший в горле ком.

– Это она тебе сказала?

– Нет. Но я слышала. А какие ты натворила глупости, мама?

– Подрастешь, расскажу. Видишь, к чему приводит непослушание...

Я зря пыталась перевести разговор на педагогические проблемы, моя младшая дочь никогда за словом в карман не лезла. Глаза немедленно прищурились снова, и последовал еще один каверзный вопрос, после которого я поняла, что Стефанию оставлять рядом с бабушкой крайне опасно, она все слышит и все запоминает, а Ма Келли не всегда думает, что говорит рядом с ребенком. Подозреваю, что моя мама вообще не считает детей способными реагировать на взрослые слова, кроме тех, что произнесены приказным или нравоучительным тоном.

– Да? А тетя Берта сказала, что если бы ты слушалась, то вообще ничего путного не достигла бы, как тетя Бетти.

– Кто такая тетя Берта?

Господи, чего еще она набралась?! Я представила себе картину: Стефания играет с куклами в сторонке, делая вид, что поглощена игрушечными проблемами, но ушки на макушке, а Ма Келли, привыкшая к тому, что я молча возилась, не задавая лишних вопросов и не вмешиваясь в беседу взрослых, откровенно делится своими вовсе не предназначенными для слуха моей дочери откровениями. Стефания –

не я, она если услышала, то запомнила, а если запомнила, то неудобные вопросы обязательно задаст.

– Не знаю, – беззаботно пожала плечами дочь, не желая отвлекаться на личность какой-то там тети Берты. – А чего ты путного достигла?

– Я стала лучшей актрисой года, получила высшую награду – «Оскара».

Зря расслабилась, стараясь поднять в глазах дочери свой почти упавший авторитет, последовал новый каверзный вопрос:

– Потому что не слушалась?

– Потому что много работала!

Я уже почти проклинала себя за то, что завела разговор о послушании. С детьми нельзя быть нечестными, своей правдивостью они легко могут загнать в тупик любого взрослого. Если только он не предпочтет огрызнуться: «Не твоего ума дело!» Я никогда не огрызалась, а потому в тупике бывала часто.

Однажды попробовала огрызнуться еще в разговоре с Ка-ролиной. Ее реакцией была насмешка:

– Просто ты не знаешь, что ответить.

И это у четырехлетнего ребенка!

Мы учим детей и сами учимся (или не учимся) у них.

Стефания почесала переносицу и вдруг объявила:

– Неправда. Линн тоже много работает, но ей не дали никакого «Оскара»!

На всякий случай я не стала уточнять, кто такая Линн.

– «Оскар» – награда для тех, кто создает кино. Чтобы сделать хорошее кино, кроме трудолюбия, нужно иметь еще и талант.

И снова дочь показала, что не так уж плохо разбирается в жизни, несмотря на свой совсем небольшой возраст:

– Папа говорил, что ты талантливая.

Слава богу, хоть папа оказался на высоте. За это следовало отблагодарить.

– Папа тоже талантливый.

В ответ новый перл:

– Нет, он сказал, что он бездарь по сравнению с тобой.

– Только в создании кино! Зато он прекрасно разбирается в другом, в чем я ничего не смыслю. Папа очень талантливый и совершенно замечательный.

На этом дискуссия закончилась, потому что дочь была согласна. Дальше разговор перешел на менее опасные темы вроде предстоящей поездки в горы, чтобы покататься на лыжах и санках.

Действительно, что было бы, не слушайся я родителей с самого начала, как сестры, или наоборот, слушайся их во всем и всегда?

Одно знаю точно – я ни за что не стала бы супругой Ренье, то есть принцессой Монако и матерью вот именно этих троих сокровищ. И муж был бы, и дети, но только другие. А вот

«Оскара» не было бы наверняка, как и актерской карьеры.

Так хорошо или нет, что не во всем слушалась своих строгих родителей и что, вообще-то, слушалась?

У Каролины никак не получалось поговорить с отцом. Трудно ожидать от девочки-подростка моего спокойствия, да и Каролина совсем другая. Ренье раздражался, злился, кричал, все заканчивалось обидами, слезами и полным непониманием.

Они нашли выход – Каролина стала писать отцу письма!

Это замечательный выход, потому что за письменным столом, как и во время своих любимых занятий, Ренье совсем иной. К тому же он прекрасно владеет эпистолярным жанром, более талантливого автора многостраничных посланий найти трудно. Переписка значительно улучшила положение дел, а о взаимопонимании и говорить нечего.

У меня не получается разговор со Стефанией. Нет, я не злюсь и не кричу, хотя Стефания не всегда сдержанна. Но она не слышит меня. Слушает, вернее, делает вид, что слушает, но не слышит. Хороший способ «спорить» – молча кивать, словно поддакивая, но при этом не воспринимать ни слова. Легче, когда дочь не кивает, а возражает, дергает плечом, фыркает, грубит, тогда я хотя бы вижу ее реакцию. Но Стефания научилась помалкивать, кто-то подсказал. Такая тактика помогает избежать открытых споров и ссор, дочь молча кивает и делает все по-своему.

Как к ней пробиться? Как объяснить, что я вовсе не желаю ограничивать ее свободу, просто свобода и вседозволенность — не одно и то же.

Пришла мысль попробовать написать. Проблема в том, что переписку с отцом Каролина начала сама, а поскольку инициатива была ее, читала все письма Ренье. Будет ли Стефания читать мои? Сомневаюсь. Пробежит глазами несколько первых строк и бросит в сторону. К тому же я не Ренье, у меня таланта к эпистолярному жанру не замечено.

Значит, нужно попытаться найти такой стиль изложения, чтобы девочка заинтересовалась.

Вот я и подумала, что, прежде чем писать дочери, нужно привести в порядок собственные мысли. Что я могу сказать Стефании, которая ищет свой путь в жизни? Чему могу ее научить я? Приводить себя в пример нельзя, не потому что плохая, а потому что далеко не все, что было в жизни со мной и не все в моем собственном опыте, может быть приведено в качестве примера для юной девушки.

Если Стефании честно рассказать, как в детстве ее маму просто не замечали собственные родители или как ни во что не ставили мои успехи, не повлияет ли это на ее отношение к бабушке? Хотя Ма Келли уже все равно, она примирилась с миром, уйдя в полусонное «растительное» состояние. Бегство от жизни? Наверное. Мама привыкла, что все в окружающем мире происходит по ее воле и с ее благословения, она

точно знала, что правильно, а что нет, как поступить в том или ином случае, что сказать и даже подумать. Она чувствовала ответственность за своих детей и воспитывала нас так, чтобы никто не мог сказать, что Ма Келли «недоработала».

Кажется, надо попробовать хоть раз в жизни открыть глаза и посмотреть на семью Келли без розовых или зеленых, как в «Волшебнике из страны Оз», очков. Собственно, цветные очки я давно сняла, но вот глаза открыть до сих пор боюсь. Что толку снимать цветные стеклышки, если глаза зажмурены?

Набрать воздуха побольше и... словно в холодную воду с разбега.

Итак, семья Келли без прикрас.

Если почитать сотни написанных обо мне статей и множество выпущенных биографий, покажется: свадьба с Ренье поделила мою жизнь пополам. До нее я была просто актрисой, пусть и с «Оскаром», просто американкой, пусть и дочерью состоятельных родителей, просто женщиной, пусть и красивой. После я вдруг превратилась из Золушки в принцессу в прямом и переносном смысле этого слова. Получила немыслимое количество всяких титулов, несметные богатства короны (?) и стала одной из красивейших женщин теперь уже Европы.

Не буду сейчас размышлять о том, откуда вдруг взялась красота за несколько дней, если ее не было раньше, и о богатстве тоже не буду, потому что давным-давно жила на соб-

ственные средства, а титулы мало что прибавляют человеку, если он пуст сам по себе. А вот подумать о делении стоило бы. Свадьба и впрямь поделила мою жизнь на «до» и «после».

«До» я действительно была стопроцентной американкой, воспитанной американскими родителями в американском духе, умеющей взять себя в руки и добиться желаемого, загнав скромность в дальний угол души и закрыв там на большой-большой замок. Горжусь, что ради этого никогда не становилась наглой и не торговала собой, но упорства и настырности мне всегда хватало. Я была (и остаюсь) Келли до мозга костей.

А стала Гримальди? Нет, не стала. Я стала женой любимого человека, которого в тот момент практически не знала, родила обожаемых детей, сделала все, чтобы маленькое государство, которое мы с Ренье возглавляем, процветало, постаралась наладить отношения со всеми монегасками. Но в душе я осталась Келли.

Что такое «Келли»?

Сначала обо мне самой.

Стефания могла бы сказать, что прекрасно знает о матери все, что только можно знать. С одной стороны, это верно, потому что мельчайший факт наших с Ренье биографий выведен, обсужден и растиражирован, а уж с того времени, как мы стали мужем и женой, и вовсе каждый чих и вздох

занесен в регистрационную книгу.

Но ведь, кроме поступков, есть еще мысли, а в свою голову я не допускала никого даже в детстве. Стоит ли допускать сейчас? Я и не допускаю, безусловно, из всего написанного будет отобрано только то, что можно и нужно позволить прочитать. Именно поэтому спешу, прикрываясь головной болью, как ширмой, чтобы никто не сунул любопытный нос в записи.

Нет, это вовсе не потому, что не доверяю близким или пытаюсь солгать им, я должна сначала сама разобраться, что в моей жизни получилось так, а что не так и что или кто тому виной. Это тем более важно, когда у детей уже своя взрослая жизнь и они начинают повторять мои ошибки (удивительно, ведь воспитаны иначе, неужели не в воспитании дело, а в натуре?), а у меня самой поменялись приоритеты, я пытаюсь создать для себя новую, наполненную другими, чем прежде, заботами.

А еще... я не уверена, что моя дочь интересуется нашими с Ренье биографиями. Сейчас модно не принимать всерьез «стариков», даже если эти старики еще молоды.

Я раз и навсегда запретила себе и всем, кто со мной общается, обсуждать и осуждать Келли. Келли – это святое, это неприкосновенно. Почему? Не знаю, это как основа мироздания, стоит поколебать один кирпичик, может обрушиться само здание.

Я родилась и сложилась как человек в стенах «крепости» под названием «образцовая семья Келли», а то, что в результате пошла своим путем и тем более позволила идти таким своим собственным детям, скорее результат недогляда со стороны моих родителей. Так, может, неплохо, что меня не замечали, что я была «лишним» ребенком в семье?

Какой прогресс – не прошло и полувека, как я сама себе (пусть шепотом и только в личных записях) разрешила покритиковать Келли! Еще через полвека рискну сказать об этом вслух.

Нет, я не права, это не критика, а попытки понять, что именно в отношении ко мне родителей и сестер пошло на пользу, а что нет. Разобраться нужно, чтобы осознать, что из моего собственного отношения к своим детям помогает им, а что мешает. Благородная цель или попытка оправдать критику? Боюсь, что велика примесь второго. Выпорхнув много лет назад из семьи, я все еще завишу от нее морально, все еще боюсь, что отец подслушает мои мысли и мои робкие попытки хотя бы подумать: «Папа, ты не прав!» Отца давно нет на свете, но я все равно равняюсь на его строгую (и не всегда справедливую) оценку. Но лучше так, чем не спрашивать с себя совсем.

Чего я больше всего боюсь? Нет, не того, что Стефания станет относиться к Ма Келли или к Пегги иначе, ей почти

наплевать, а того, к чему меня приведет эта честность в разговоре с самой собой.

Разговаривать с собой трудней всего, потому что быть до конца честной не получается. Себя всегда стремишься оправдать. Да, я поступила не очень хорошо, совершила ошибку или даже небольшую подлость, но ведь это не из злых побуждений! Так получилось... хотела как лучше... не ожидала... в душе-то я хорошая... и подлость эта – вовсе не подлость, а всего лишь маленькая подлючесть, крошечная такая гадость... А если результат получился удручающий, так я же не ожидала...

Стало даже интересно – словно наблюдаешь за собой со стороны. Сумею ли я сама с собой поговорить честно, даже зная, что этого никто не увидит и не прочтет? Если только так... А потом кое-что выписать или суммировать для Стефании. Правильно, ей ни к чему знать все не только о Ма Келли, но и собственной матери тоже.

Почему я стала актрисой? Да потому, что иначе не стала бы никем вообще! Дело не в актерском даровании, я была таковой задолго до Академии актерского мастерства и своих первых ролей на большой сцене или в кино. Этой актерской технике меня научили в Нью-Йорке и Голливуде, а играть приходилось всегда, с самых малых лет.

Чтобы понять это, нужно знать нашу семью – Келли.

Сейчас модно писать мемуары. Наверное, их было модно

писать всегда, каждый, кто доживал до определенного возраста и встречался в своей жизни с интересными людьми, считал необходимым рассказать об этом человечеству. Это правильно, я тоже встречалась со многими интересными людьми, но ведь, описывая эти встречи, сначала пришлось бы рассказать о себе самой. Моя биография и без меня подробно расписана по месяцам, кажется, упомянуты даже дни недели, когда я впервые сделала первый шаг (хотя кому об этом вспоминать, мои родители вряд ли зафиксировали в памяти столь не приметное для них событие, я же не Пегги или Келл) или когда снялась для первой рекламы.

Это либо давно известно, либо вовсе не интересно.

Другое дело – биография моего отца. Мне очень хотелось бы написать ее, я обожала и обожаю своего папочку, которого, к сожалению, мы уже потеряли. Ничто, никакое его предвзятое ко мне отношение, никакие нелюбовь и равнодушие не могут ослабить эту любовь. Я Келли, и этим все сказано. Я могла поменять имя, фамилию, гражданство, изменить свой статус, вкусы, даже внешность, но я не могла отказаться от двух вещей – от своей веры (я добрая католичка, и никто в этом не может усомниться!) и от любви к папе.

Даже если он сам не считал меня в полном смысле своей дочерью (не физически, а по духу, поскольку в его глазах я была «слабачкой»), то я все равно полностью его дочь.

Поэтому если я и решусь написать мемуары, то это будет история жизни и успеха (но никак не ошибок!) моего отца,

и разве только в качестве приложения – коротко моя собственная биография, как иллюстрация, чего может достичь тот, кого воспитал ТАКОЙ отец.

Я много лет категорически пресекала любые попытки обсудить и тем более осудить принципы семьи Келли, даже сама с собой никогда не осуждала. Сейчас готова (но только для себя!) попытаться понять, что же такое получила и чего недополучила от отца, чего мне не хватало, что мешало и что было обидным.

Это маленькая ложь, потому что я всю жизнь знала, чего мне не хватает, что мешает и что очень обидно. Невнимание со стороны отца. Это все. Остальное просто вытекало из этого невнимания.

Я для папы не существовала, была почти пустым стулом, на который можно сесть, не заметив лежащего котенка. Но я никогда не винила в этом самого папу, всегда только себя, ведь я не оправдывала его надежд, не была настоящей Келли. Вот Пегги и Келл – другое дело.

Джон Брендон Келли, которого все звали Джеком, был образцовым американцем. Если бы кому-то пришло в голову поставить статую настоящего американца и сопроводить ее соответствующей надписью, следовало бы лепить фигуру с моего отца и в описании привести его биографию.

Джек Келли на 90 % сделал себя сам. Остальные 10 – всего лишь физическая плоть, которую он получил при рожде-

нии. Плоть, которая могла стать ничем, могла превратиться в гениального писателя, как его брат Джордж Келли, но стала Джеком Келли, пожалуй, одним из самых заметных людей Филадельфии первой половины XX века.

Интересно, что в нашем представлении папа существовал всегда отдельно даже от собственной семьи – родителей и братьев. Джек Келли сам по себе, он всегда сам. Сам решал, что ему нужно, чего хочет добиться и как поступить. Мы обожали братьев отца – добродушного толстяка дядюшку Уолтера, у которого для нас всегда были подарки и полные карманы конфет (за что мама ругала Уолтера), а я особенно дядю Джорджа – рафинированного красавца-писателя, лауреата Пулитцеровской премии и актера, кстати. Были еще серьезные дяди Патрик и Чарльз, а вот тетю Грейс, в честь которой меня назвали, она была актрисой, я никогда не видела. Дядюшка Уолтер – тоже бывший актер...

Они все Келли, но мне всегда казалось, что папа – Келли в гораздо большей степени, чем его братья и сестры.

Отец был одним из десяти отпрысков Келли, приехавших из Ирландии, из графства Мейо, с большими дырками в карманах и твердым намерением «выбиться в люди». Район Ист-Фолс в Филадельфии и сейчас чистенький, но небогатый, а тогда выглядел еще скромней. Несмотря на это, Ист-Фолс прекрасное место, и никто не убедит меня в ином!

Джек Келли не был «рыжим ирландцем», он был высок, красив и безумно напорист. Отцу пришлось очень трудно

в детстве и юности, потому он особенно гордился тем, что смог пробиться наверх и сам заработать свои миллионы. В девять лет Джек был вынужден после уроков подрабатывать на фабрике, чтобы вносить свой вклад в семейную копилку. Я так и не удосужилась поинтересоваться, что он делал на ковроткацкой фабрике, наверное, что-то подносил.

Крепкий, высокий, сильный, он казался старше своих лет да и вел себя как взрослый. С двенадцати лет Джека Келли в школе больше не видели, он бросил учебу и перешел на работу к старшему брату, чтобы научиться профессии каменщика. Удивительно, но даже в таком возрасте отец осознавал, что быть каменщиком вовсе не намерен, а работа нужна только для заработка и изучения всей организации и тонкостей строительства.

Дядя Джордж частенько насмехался над папой, говоря, что мозолистые руки у него вовсе не от мастерка каменщика, а от занятий спортом, а школу он бросил просто потому, что учиться лень. Семья Келли к тому времени давно не бедствовала, дедушка сумел хорошо заработать на продаже страховок и имел возможность выучить своих детей, по крайней мере, в школе. Дядя Джордж школу окончил, и никто не гнал его ни на ковровую фабрику, ни на стройку. Возможно, так, но это ничуть не умаляет заслуг отца. Дело не в том, что он бросил школу (это не помешало Джеку Келли со временем стать одним из видных политиков Филадельфии и приятелем прекрасно образованного президента Франклина

Рузвельта), дело в том, что он сумел пробиться сам и зарабатывать тоже сам.

Но даже не строительство стало для отца основной точкой приложения сил.

Скукл – река особая. Почти в любое время года по ее воде скользят лодки, причем не прогулочные, а спортивные. Гребной спорт для Филадельфии – то же, что для остальной Америки бейсбол. Все способные держать весла в руках молодые люди гребут и гребут, берега реки усеяны лодочными причалами. Причем, в отличие от Англии, в Филадельфии гребной спорт – вовсе не удел аристократии, на Скукле работали веслами как раз местные парни из тех, что в другое время трудились на заводах и стройках.

Именно это дало возможность отцу не чувствовать себя изгоем. На воде Скукла он быстро стал сильнейшим гребцом не только своего общества «Веспер», но и всего Восточного побережья, а потом выиграл и первенство Соединенных Штатов! Отец всегда предпочитал ни от кого не зависеть, в лодке тоже, а потому занимался одиночной греблей, чтобы за недоработки корить только себя, но и поздравления тоже получать самому. Недоработок у папы не было, в свои девятнадцать он выиграл в Новом Свете все, что можно выиграть. Оставалось победить европейских соперников в первенстве одиночек «Бриллиантовые весла», которое проводилось в составе «Королевской регаты» в Хенли-на-Темзе, что

равносильно чемпионату мира, и участвовать в Олимпийских играх.

У Джека Келли было радужное будущее, предстоял блестящий год, на небосклоне ни одной тучки. Он понимал, что сразу выиграть Олимпийские игры не удастся, слишком сильны соперники, но даже просто призовое место для рабочего парня из Ист-Фолса – блестящий результат в этом спорте богачей. Это сейчас гребля становится все более демократичной, а в начале века, чтобы отправить гребца на регату, клубу «Веспер» пришлось объявить сбор пожертвований. Филадельфийцы активно откликнулись, Джека Келли уже знали и помочь были готовы, тем более в его успехе никто не сомневался.

А дальше произошло то, что отец не смог ни забыть, ни простить Англии до конца своей жизни. За два дня до отправления на регату из Англии пришла телеграмма с сообщением об отказе в его регистрации! Почему?

Англичане выставили две причины. Еще с 1905 года клуб «Веспер» был отстранен от участия в подобных мероприятиях, потому что собранные им средства выдавались прямо спортсменам, минуя всякие кассы клуба. Это посчитали признаком не любительского, а профессионального спорта. То, что в основное время спортсмены работают или учатся, никого из снобов в Европе не волновало. Однако сынков богатеньких родителей той же Англии, приезжающих на деньги родителей, профессионалами не считали.

Но отец попал еще под одну статью для отказа. К участию в регате не допускались те, кто хоть когда-то трудился физически, то есть те, кто мог накачать мускулы, кроме спортивных площадок, еще и на рабочем месте.

Для Джека Келли, который гордился тем, что простой каменщик смог стать владельцем собственной строительной компании, это был не просто удар, а пощечина! До конца своей жизни папа на дух не переносил британцев, считая их невоспитанными снобами, и заявлял, что его просто побоялись допустить до соревнования с так называемыми «благородными» гребцами, которым и носы небось вытирают няньки.

Однажды мы говорили об этом с Ренье, он объяснил, что в Великобритании до самой войны действительно существовал запрет на участие в спортивных соревнованиях по гребле (и не только в Хенли) для тех, кто когда-то занимался физическим трудом. Этот запрет именно для гребцов ввели якобы из-за того, что на регатах стали побеждать лодочники Темзы, а не спортсмены, они до самых соревнований работали гребцами, а потом вдруг увольнялись и выступали за купившие их клубы.

Я не знаю, как к этому относиться. С одной стороны, правило верное, нельзя сравнивать тех, кто только и занимается греблей, с теми, кто ею занимается после работы. С другой, в соревнованиях нередко принимают участие спортсмены, которые вообще ничем, кроме спорта, не занимаются. Кто ме-

шает человеку годами числиться студентом, но при этом все время с утра до вечера посвящать тренировкам? Однако он не считается работающим физически.

Пожалуй, в данном случае я готова согласиться с отцом: учредителям Хенлейской регаты мешал не физический труд моего отца (работа каменщика далека от гребли, хотя тоже развивает руки), а то, что он был простым рабочим парнем.

Нужно ли говорить, что целью жизни для Джека Келли стало обойти всех соперников, с которыми ему не удалось сразиться на регате? Хорошо, что в том же году состоялась Олимпиада в Антверпене, где у папы появилась возможность показать, на что способен.

На Олимпиаде не делали различий между «голубой» кровью и простыми работягами. Все-таки Олимпийские игры – прекрасная вещь, там каждый достойный может показать, чего стоит, независимо от его происхождения и толщины кошелька родителей.

Бывший каменщик из Ист-Фолса дал себе слово привезти серебряную медаль. Но когда увидел, что в основном заплыве против него выступает Джек Бересфорд, тот самый англичанин, ради победы которого в «Королевской регате» Хенли Джека Келли и не допустили до участия, как полагал сам папа, он уже не мог сдержаться. Серебро вслед за Бересфордом?! Ну уж нет! Джек Келли пришел первым!

Папа привез из Антверпена две золотые медали Олимпи-

ады – в одиночном и в парном разряде. Он с гордостью рассказывал, как, увидев, что сможет опередить ненавистного Бересфорда, был готов умереть после финиша, но не отдать победу!

Я невпопад спросила, за что папа так ненавидел этого Бересфорда, разве это Бересфорд не пустил его на «Бриллиантовые весла»? Худший вопрос задать было бы невозможно. Конечно, став взрослей, я поняла, что в ту минуту ни в чем не повинный Бересфорд олицетворял для папы все лицемерие Старой Европы.

– Видно, что ты никогда не участвовала ни в каких серьезных соревнованиях!

Большого я от отца не добилась, но и не ждала, потому что постаралась стать как можно незаметней – вся семья уставилась на меня так, словно я вслед за снобами-англичанами плюнула в лицо папе.

Говорят, что, когда гонка закончилась, Келли и Бересфорд были не в состоянии даже пожать друг другу руки, настолько вымотало их соревнование между собой. Но отец все же совершил один вызывающий поступок: он обернул в красивую бумагу свою потрепанную зеленую спортивную кепку, выцветшую на солнце и пропахшую потом, и отправил ее в Букингемский дворец прямо королю Георгу как вызов британскому снобизму!

А в соревнованиях я участвовала и даже была капитаном школьной сборной по хоккею с мячом. Еще занималась пла-

ванием, прыжками в воду и играла в теннис. Конечно, не то что олимпийских, но просто значимых достижений не было, но ведь не всем преуспевать в спорте, кроме него, есть и другие занятия.

Это был триумф Джека Келли! Папа стал национальным героем, а уж о Филадельфии и говорить нечего, дома его готовы носить на руках!

Казалось, Джек Келли больше никогда не ступит на землю Англии, а уж Хенли не осчастливит своим присутствием тем более. Но те, кто так думал, плохо знали моего отца. Для него реванш еще не был полным. Победа на Олимпийских играх должна иметь продолжение. И хотя Келли выиграл и через четыре года в Париже, правда, уже в парном разряде, Хенли не давал покоя ни папе, ни нашей семье много лет.

Джек Келли не успокоился, пока его сын Келл не стал победителем «Бриллиантовых весел»!

Закадычный друг папы Франклин Рузвельт назвал его «самым красивым мужчиной Америки», с чем немедленно согласились все. Как только не величали Джека Келли! Одна из газет назвала его наиболее гармонично сложенным американцем, другая твердила, что если и существует образец мужской красоты, то это, несомненно, Келли. Если учесть, что к прекрасной фигуре и сильным мускулам добавлялось обаяние уверенного в себе человека, а еще острый язык и

невесть откуда взявшийся ораторский талант (академическая гребля, да еще и в одиночном разряде, не располагает к разговорам), можно понять, почему Джек Келли стал одним из самых популярных людей Америки.

В предыдущий год папа занял у братьев 7000 долларов и открыл собственное дело – фирму «Кирпичные работы Келли». Как и в гребле, отец не просто вкладывал все силы в работу, он легко научился пользоваться и своим новым положением. Для Филадельфии Келли стал своего рода символом. Настоящий американец, человек, который своим трудом и упорством смог добиться столь многого – начав с помощника каменщика, стал владельцем успешной фирмы, своими спортивными достижениями посрамил снобов Старого мира. Он красив, успешен, за словом в карман не лезет и не теряет присутствия духа ни в каком случае.

За кого могла выйти замуж моя мама, как не за самого красивого мужчину в Америке?

Мама и папа вполне достойны друг друга, силе их характеров могли бы позавидовать многие, если вообще не большинство людей. Стальная устремленность к успеху Джека Келли прекрасно дополнялась столь же твердым устремлением к раз и навсегда определенному идеалу Маргарет Майерс. Идеалом Джека Келли был спортивный, активный, умеющий делать деньги и постоять за себя человек, идеал моей мамы – столь же активная, сильная женщина, прекрасная мать, знающая, как воспитывать детей, верная жена, надеж-

ная поддержка своему мужу.

Они были знакомы почти девять лет. Почему так долго? Во-первых, мама была просто юна, когда родители познакомились, четырнадцатый год – не слишком подходящий возраст для создания семьи. Во-вторых, мама приглядывалась, пока твердо не решила, что лучшей кандидатуры на роль отца своих детей ей не найти.

Маргарет Майерс, для нас Ма Келли, тоже из семьи иммигрантов во втором поколении, только немецких. Строгая лютеранская семья, где дома говорили только по-немецки, чтили все правила и обычаи, строжайше относились к вопросам порядка любого рода и боготворили дисциплину. Мама вспоминала, что лет до восьми разговаривала только по-немецки, так упорно желали сохранить свои традиции и свою культуру ее родственники. Мы не знали немецкого, Ма Келли не удалось нас обучить, просто потому, что наше детство выпало на годы, когда все немецкое вовсе не было в почете.

Сама мама ради замужества с отцом перешла из лютеранства в католичество, вовсе не считая это преступлением, зато против нашего знакомства с некаатоликами возражала рьяно.

Мама, как и отец, была отменной спортсменкой и, хотя в Олимпийских играх не участвовала, плаванием увлекалась серьезно. Она окончила Темплский университет по специальности «преподаватель физвоспитания», после чего преподавала гимнастику студенткам Пенсильванского медицин-

ского колледжа и тренировала женскую команду Пенсильванского университета по плаванию.

Таким же жизненным фетишем, как у отца гребля, у мамы был и, наверное, остается сейчас Пенсильванский медицинский колледж. Я ничего не имею против медицины и колледжа, но в детстве меня тошнило от самого названия. Все, что происходило в нашем доме, делилось на три части – одна из частей принадлежала собственно семье и дому, вторая – гребле и спортивным достижениям (бывшим отца и будущим Келла), а третья являла собой нечто под названием «Медицинский колледж». Иногда я сомневаюсь, нужна ли была самому колледжу столь бурная и всепоглощающая забота моей мамочки, не уставали ли девушки от бесконечных мероприятий и благодетельствования своей патронессы?

Мама – восхитительная блондинка с прекрасной фигурой, она не могла не привлечь внимания фотографов, но становиться профессиональной фотомodelью и заниматься рекламой считала ниже своего достоинства. И все же для «Сельского джентльмена» снялась. Подозреваю, что ее подкупила вторая половина названия.

Когда Джек Келли выиграл свою вторую Олимпиаду и уже твердо стоял на ногах, они решили пожениться. Сейчас я задумываюсь, любили ли они друг друга? В детстве не только не возникало таких мыслей, усомнись кто-то – я бы даже не поняла, о чем идет речь. Наша семья была образцовой, тако-

вой ее сделали родители – папа, Джек Келли, и мама – Маргарет, или Ма Келли. В большей степени Ма, потому что все, что касалось дома, от порядка в нем до семейных отношений, раз и навсегда стало маминой вотчиной и вмешательству не подлежало.

Ирландец и немка составили прекрасную пару. Или только казались прекрасной?

Это очень и очень трудно осознать, я всегда гнала от себя такие мысли, но пришло время подумать. Даже сейчас я ни в малейшей степени не осуждаю ни маму, ни папу, я их любила и люблю, как люблю всех Келли. Я тоже Келли до мозга костей была, есть и буду. То, что во мне есть хорошего, – это Келли, а не очень хорошее... не знаю откуда!

Мама – тоже Келли, несмотря на то что она Майерс. Более точно пару папа найти не смог бы. Решительная, целеустремленная, всегда знающая, чего она хочет, знающая, как надо себя вести и что делать (в том числе и что думать тоже), мама всегда была надежным тылом. Аккуратная, чисто-плотная, экономная на грани скаредности, блестящий организатор, помешанная на двух вещах – порядке и дисциплине и Пенсильванском медицинском колледже. К первому мы привыкли с рождения, а потому подчинялись легко, второе вызывает тошноту даже сейчас.

Компания Джека Келли построила для новой семьи большой 15-комнатный дом на Генри-авеню в Немецком квартале Филадельфии, там было престижней жить и район

побогаче. Это вовсе не означало, что семья стала ближе к немецким родственникам мамы. Подозреваю, что ей так и не простили двух вещей – перехода в католичество и того, что дети говорят по-английски и вовсе не знают немецкого.

Надо знать мою маму, если она решила, что Джек Келли годится для нее в качестве супруга, то свернуть с выбранного пути не смог бы сам президент США, не то что мнение родственников. Пожалуй, даже наличие у отца семьи и детей не смогло бы. Но ни того ни другого не было, Джеку тоже подошла такая супруга, а потому брак сложился счастливо.

Чего это стоило маме?

Сейчас, вспоминая маму в мои детские годы, я понимаю, на что она сознательно закрывала глаза и как твердо вела не только дом, но и вообще семейную лодку. То, что семья не просто состоялась, но и просуществовала столько лет, заслуга Ма Келли. Удивительная женщина, хотя многие от нее стонут, я в том числе. Она яркий пример того, как женщина может принести саму себя в жертву на алтарь семейной жизни, оставаясь при этом не просто лидером, но и настоящей главой семьи. Да-да, думаю, главой нашей семьи была Ма, хотя внешне казалось, что все вопросы решает папа. Я многому научилась у мамы, хотя и не признавала этого.

Но по порядку.

Первой через год после свадьбы у них родилась Пегги – любимица отца. Пегги красавица и умница, очень жаль, что ее жизнь сложилась так неудачно, причем я искренне не по-

нимаю, почему. Она высокая, красивая, спортивная, активная, у Пегги отцовское умение добиваться своего и не лезть за словом в карман. Мне всегда было до старшей сестры немыслимо далеко.

— Грейс, посмотри на Пегги! — любимый совет, который я слышала десятки раз за день.

Вернее, не так. Слышала, если меня замечали, чаще всего не замечали. Но само существование Пегги было мне укором. Я не умела, как она, держаться, я не была такой уверенной, хуже плавала, бегала, прыгала, хуже выглядела, а уж рассказать что-то, как Пегги, не могла и вовсе. И во времена нашего детства никому не приходило в голову, что сравнивать умения или внешность девочек с четырехлетней разницей нелепо, я просто НЕ МОГЛА бегать или прыгать так же, как Пегги или Келл, который родился через два года после нее. Не могла так же рассуждать, так же легко держаться.

Пегги знала свою силу и знала отношение ко мне, и пользовалась этим. Я была девочкой на побегушках, почти рабыней для старшей сестры. Подай то-то, сделай то-то, принеси то-то... Удивительно, но никого это не удивляло, к тому же Пегги всегда умела произвести нужное впечатление и выглядеть добропорядочной девочкой, заподозрить которую в злоупотреблении властью над младшей сестрой никому не пришло бы в голову. Маме точно не приходило.

И все равно мы дружили, просто пришло время, когда три сестры стали старше и нас волновали уже не взаимоот-

ношения между собой, а наши с родителями. Сочувствовать друг дружке оказалось куда важней, чем командовать или ссориться.

Вторым родился Келл. Он тоже рос крепким и сильным, словно с первых дней выполняя чаянья отца вырастить из сына прекрасного гребца, который утрет нос этим снобам из Хенли.

Это не шутка, с первого дня Келл был предназначен для того, чтобы стать продолжателем отцовских достижений и обязательно выиграть «Бриллиантовые весла»! Казалось, после того как отец отправил свою спортивную кепку королю Георгу, он должен бы забыть о регате, с презрением выбросив ее из головы. Но надо знать папу, чтобы понять, что Джек Келли никогда не уходит побежденным и не забывает унижения! Он ничего не смог противопоставить бюрократическим правилам регаты, оставалось только вырастить сына, способного дать ответ.

– Келл, насколько улучшился твой показатель?

– На две секунды, папа...

Келл гордился тем, что усердно тренировался всю неделю, пока отец был по партийным делам в Вашингтоне и общался там со своим закадычным другом Фраклином Делано Рузвельтом. Трудно найти двух столь непохожих и одновременно похожих друг на друга людей. У Рузвельта блестящее образование и политическая карьера, основанная на серьезных адвокатских и социологических знаниях, у моего отца

все схвачено на лету, без серьезной базы и оснований. Что было бы, получи он настоящее образование? Келли все талантливый, дядя Джордж сумел стать Пулитцеровским лауреатом, научившись писать пьесы совершенно самостоятельно.

Папа скривился в ответ на бодрый «доклад» Келла:

– Это ты считаешь достижением? Если ты будешь прибавлять всего по две секунды, то с нынешними показателями тебе жизни не хватит, чтобы достичь мирового рекорда.

Келл что-то промямлил в свое оправдание. Я понимала, что именно. Ему рано заниматься греблей серьезно, руки еще не те, и две секунды относительно его собственных достижений – немало, тем более всего за неделю. Но вот этого Келл сказать отцу не решился бы, думаю, он обещал постараться и за эту неделю прибавить больше.

Ответ получился не лучше оправдания. Обещать таким вялым тоном?! На весь дом раздался громовой голос Джека Келли:

– У меня сын или медуза?! Если ты и с веслами в руках столь же уверен в себе, то тебе нечего делать в лодке! Лучше я посажу за весла вон... Грейси, у нее и то получится.

Нет, этот крик вовсе не означал, что меня действительно собирались чему-то учить или мной заниматься, просто я попала на глаза папе, как прекрасный пример никчемности, неспособности чего-то добиться. Окажись рядом не я, а, например, горничная или даже кошка, результат был бы тот же. Но я была счастлива даже такому «вниманию», по крайней

мере, на стул, где я сидела, никто не сел, не заметив.

Келл твердым голосом (но со слезами в нем) обещал, что впредь будет прилагать больше усилий и добьется лучших результатов.

Бедный Келл! Если меня не замечали, то его замечали слишком. Келл был у папы не просто на контроле, его контролировали ежеминутно. Хотя сейчас мне кажется, что Келлу доставляло удовольствие жить именно такой жизнью – он был в центре не просто внимания семьи, а в центре родительских амбиций. Мне кажется, что папа даже назвал Келла Джоном ради того, чтобы это имя прозвучало как победное. Жизненным предназначением брата стало выиграть пресловутые «Бриллиантовые весла». Что будет после, никто не задумывался, как и о том, что теряет Келл, посвятив каждую минуту своей жизни одной-единственной цели.

Келл выиграл эту гонку, но что проиграл Келл? В год нашей с Ренье свадьбы он стал бронзовым призером Олимпийских игр в Мельбурне, но дальше жизнь словно закончилась. У папы была политическая карьера, была цель – воспитать сына – продолжателя его спортивных успехов. У Келла этого не было, и после Мельбурна вдруг оказалось, что двигаться некуда. Наверное, это очень трудно – осознать, что поставленных целей достиг, а как жить дальше – не знаешь.

В связи с этим я вдруг подумала о мечтах. Почему-то считается, что мечтать – легко и просто, лежи себе, глядя в по-

толок, и предавайся приятным мыслям. Но многие ли умеют мечтать? А с возрастом большинство вообще теряет способность парить над повседневностью. И сама мечта тоже улетает, к чему ей бескрылые прагматики?

Что такое мечта? Почему-то большинство называет ею то, что вполне можно осуществить, стоит только приложить побольше усилий, а при первых же трудностях отступает и считает нормальные не осуществленные из-за лени и отсутствия упорства планы несбывшейся мечтой.

Умеют мечтать только дети, они же все хотят быть победителями, стройными, сильными, красивыми, мечтают достичь невиданных высот, которые меняются, как погода весной, – сегодня в космонавты, завтра в пожарные, а потом в гениальные дворники. Обращаю внимание: неважно в кого, но обязательно вы лучшие, гениальные. А девочки в красавицы, артистки, балерины, певицы, принцессы в крайнем случае (мои девочки – исключение, они принцессами стать не мечтали, им в жизни надоело). Причем в случае с принцессами в представлении исключительно балы, наряды и принц на белом коне.

Я ничуть не осуждаю, напротив, мечтать о чем-то недостижимом и делать к этому недостижимому небольшие, но реальные шажки... Если попытаться сделать шаг, может не получиться и интерес пропадет, а если шажки, но упорно, продвинешься далеко. К тому времени мечта может чуть трансформироваться или, наоборот, стать более конкретной.

Но в самом начале она должна быть недостижимой и расти вместе с человеком, потому что исполнившаяся мечта иногда заводит в тупик. Всегда нужно понимать, что будет за свершившимся, всегда нужна «мечта еще дальше», как я это называю.

У Келла мечта стать победителем «Бриллиантовых весел» исполнилась, вот тогда и оказалось, что это не мечта, а планы, которые они с папой упорно осуществляли.

Плотная (из-за любви вкусно поест), плоскогрудая, неловкая дурнушка в очках и с вопиющей гнусавостью мечтала стать сначала балериной, а потом просто актрисой. В балерины не попала по объективным причинам – рост велик, нужного чувства ритма нет, слуха тоже. То есть слух и чувство ритма прекрасные для обычного человека, а для балета не годились. Но о какой сцене могла идти речь при безумной застенчивости и гнусавости?

Я мечтала. Результат есть – неуверенность загоняется в самый дальний угол дрожащей души, сама душа распахивается, а гнусавость?.. Это всего лишь медицинская проблема, и постановка голоса – не столь уж сложное дело.

Бывшая застенчивая толстушка получила «Оскара» и признание иконы стиля. Потому что умела мечтать и трудилась ради этой мечты.

Честно говоря, дома никто не ожидал, папа – тем более.

Пегги никакому давлению не подвергалась, она была от-

цовской любимицей и прекрасно это сознавала. С нее достаточно быть рослой, сильной, спортивной и острой на язык, больше никаких требований не предъявлялось. Пегги такой и была, она являла собой прекрасный образец женщины нордического типа, взяв и материнскую, и отцовскую красоту. Очень долго считалось (подозреваю, папа так считал всю жизнь), что Пегги – самая красивая американка, так же как ее отец – самый красивый американец.

– Что, все эти голливудские красотки с нарисованными лицами и выпуклостями?! Эти фигуристые блондинки ни на что не годны! Посмотрите на мою дочь, вот образец женской красоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.